

Лесса Каури

СТРЕКОЗА ДЛЯ ПОКОЙНИКА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К30

Каури, Л.

К30 Стрекоза для покойника / Л. Каури. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 404 с.

ISBN 978-5-521-91164-6

Лука — обычная девушка, которая жила в обычной семье и не особенно задумывалась о будущем, до тех пор пока ни пришла пора покинуть отчий дом и отправиться на поиски самостоятельной жизни в мир, полный загадок.

Стоит ли знакомиться с девушками на кладбищах, устраиваться официанткой в закрытый клуб, о котором ходят нехорошие городские легенды, слушать истории о монстрах, а главное — стоит ли познавать себя самого, Лука узнает, пройдя огонь, воду и медные трубы, подвергая опасности свои и чужие жизни, пытаясь отличить настоящую любовь от обмана и исправляя ошибки — те, которые еще можно исправить. В этом ей помогут верные друзья, неадекватные враги, кот Вольдемар, призраки и прочая нечисть.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-91164-6

© Лесса Каури, текст, 2021
© Палитра Ваших Фантазий,
иллюстрация на обложке, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Часть первая: Правда для Луки

Н у что это за имя такое — Лукерья? Это же цыпакалипсис, а не имя! Даже Василиса звучит лучше. Васька — это ассоциация с котом, причем веселая ассоциация. А Луша — с чем ассоциируется? С курицей-несушкой! Фу...

Одеяло сбилось в ногах, и Лука, сердито зашипев, сбросила его на пол. Ей всегда было жарко, когда она злилась или сильно переживала. Будто внутри кто-то разжигал костер и — добренький! — подкидывал дровишек, следя, чтобы огонь не потух.

Размышления о несчастливой природе собственного имени посещали девушку в минуты крайнего душевного раздрая. Нынче вечером младшему брату Темке делали операцию: собирали сломанную в автокатастрофе ногу буквально по кусочкам и нанизывали их на какие-то спицы. Операция прошла успешно — измученная слезами и ожиданием мать вернулась домой, отец остался дежурить в больнице до утра. Сестра в больницу не поехала...

Мучительно сжав веки, Лука попыталась уснуть, однако от жары даже дышать было тяжело. Выругавшись,

девушка вскочила, нашарила в рюкзаке, валявшемся на полу, пачку сигарет и зажигалку, а потом подошла к окну и открыла его настежь. Прохлада приятно коснулась разгоряченной кожи — Лука спала обнаженной. На горизонте собирались тучи, и огненными лисами играли зарницы. Несмотря на октябрь, духота стояла, как перед майской грозой.

Она затаилась без особого наслаждения. Курила редко. Однажды заметила, какой релаксирующий эффект оказывает на нее обычный табак, но, поскольку терпеть не могла от чего-либо зависеть, на него не подса, пользуясь лишь в крайних случаях. Ощущение того, что сигарета зависит от нее, а не она от сигареты, казалось ей восхитительным. Так же, как и воспоминания, которые она бережно хранила в сердце. Рутинка — детский сад, школа — забывалась, а они отчего-то представлялись ей разноцветными гладкими камушками, которые так приятно было перебирать, подкидывать, катать. Да что там! Просто смотреть на них было удовольствием! Первый, нежно-голубой, гладкий и чуть вытянутый голыш — маленькая Лука, с удовольствием плещущая ладошками по воде, тревожа желтые березовые листья на поверхности, заводя волшебные водоворотики, в которых отражалось небо. «Детка, ты опять возишься в холодной воде! Простудишься! Ну что за наказание!» — это мамин голос. Мама никак не хочет понять, какой это восторг — играть с водой, ведь она вовсе не холодная, а ласковая, как мамыны ладони, и живая, как соседский хомяк Фродо. И Лукерья снова и снова лезет в лужу, пока не зачерпывает в сапожок и не получает за это по попе.

Камень второй — шероховатый, коричневый, с маслянистым блеском. Луке пять. Вместе с другими ребятами на берегу канавы на даче она вычерпывает столовой ложкой глину из-под берега и пытается слепить кого-нибудь. Рядом с Валеркой Лебедевым уже лежат черепашка и заяц, а у нее ничего не получается.

— Ты головастика слепи! — снисходительно советует дружок. Ему шесть, и он ощущает себя старше и умнее. — У него только голова и хвост!

И Лука старательно лепит головастика, мнет скользкую глину, злится на хвост — получается не тонким, а с какой-то бахромой! Ей жарко, пот заливает глаза, а головастик вдруг вздрагивает в ее ладонях, оживает и прыгает в воду. Она испуганно оглядывается, не видел ли кто? Но мальчишкам уже надоело возиться в грязи, и они, отойдя на песчаный спуск, плещутся вовсю на мелководе, прогретом ласковым летним солнцем. Толстый головастик выписывает круги под поверхностью воды и покачивается, как большая подводная лодка, солидно и жизнеутверждающе! А в душе Луки растет, ширится восторг, от которого хочется кричать!

Третий камень красивый, но пугающий. Он похож на осколок янтаря, внутри которого дрожит пламя. Такие же языки огня плясали на почерневших бревнах в дачной печке, и к ним десятилетняя Лукерья протянула ладони — приятно было тепло, с которым они ластились к коже, щекоча пальцы. «Тем, это не больно! — говорит она. — Видишь? Совсем!» Пятилетний брат доверяет ей — потому протягивает руку прямо в огонь, но тут же отдергивает и заливается плачем. Его пальцы красные, кожа сморщилась...

Лука затянулась до боли в легких. Тогда она не поняла, что случилось. А вот вчера... Между сестрой, замкнувшейся в себе, и братом в «дурацком» возрасте ссоры — обычное дело. Он обозвал ее дурой, она его — имбецилом. Он ее — сукой, она его — уродцем. Он ее — ведьмой, она его... «Чтоб тебя приподняло и шлепнуло!» — прошипела она в ответ, направив на него скрюченные пальцы. Коротко стриженные ногти с черным маникюром выглядели угрожающе. «Кошка бешеная!» — констатировал брат и позорно бежал к друзьям, прихватив мотороллер.

Как произошла авария, родителям сообщили свидетели. Налетел неожиданный ураганный порыв ветра, сбивший мотороллер и буквально кинувший его вместе с седоком на капот проезжающей мимо иномарки. Хорошо хоть на, а не под!

Вспомнив лицо матери, прижавшей к уху мобильник, Лука яростно смяла сигарету и выкинула в окно. Сползла под подоконник, обхватив голову руками. Гроза приближалась. Гроза, всегда доставлявшая ей удовольствие большее, чем редкий случайный секс, сейчас не дарила радость раскатами и мощью. По подоконнику застучало. Холодные капли залетали в комнату, падали на обнаженную узкую спину девушки.

В коридоре зажегся свет.

— Луша!

Она не успела нырнуть в кровать, когда открылась дверь. Так и застыла посредине комнаты — голая, в отсветах небесного пламени.

— Что-то потянуло... У тебя окно... — начала мать с порога и замолчала, увидев голую Луку с ненормально огромными зрачками.

Рванулась к дочери, схватила за руки, стала поворачивать к неверному свету.

— Мама... мама? Мам, ты чего? — заорала испуганная дочь. Лицо у матери было заплаканное и застывшее, как студень.

— Господи, за что мне еще и дочь наркоманка? — кричала Валентина Игоревна, таща упирающуюся девушку в коридор, где горел свет. — Руки покажи, покажи руки!

— Да ты чего, мам, вообще? — рявкнула Лука, вырываясь. Прошлепала в коридор, сунула матери под нос нетронутые вены на сгибе локтя. — На, смотри! Совсем спятила!..

Удар по щеке заставил ее замолчать.

— Твой брат едва не погиб! — свистящим шепотом сказала Валентина. — Прояви хоть каплю уважения к матери!

Луку захлестнула жара. Душная, тропическая, яростная.

— А ты ко мне уважение проявила? — закричала она, с ужасом понимая, что ее несет, но остановиться она не может. — Ты бы хоть постучалась! Мало ли, чем я занимаюсь в СВОЕЙ комнате!

Оглушительный удар грома будто расколол небосвод. Испуганно охнув, мать схватилась за голову. Шум дождя придвинулся, в комнату через открытое окно уже лился целый водопад.

— Права была Лия, когда отговаривала меня брать ребенка из детдома! — неожиданно твердым голосом

сказала Валентина. — Запомни, Лукерья, здесь ничего твоего нет!

Лука вдруг осознала, что стоит перед матерью голой. Свет стал слишком ярким, она враз увидела свои длинные худые ноги и пирсинг-черепушку в пупке, и жалкие, съезжившиеся соски... Отступила в комнату, в спасительную темноту. И отступала до тех пор, пока не уперлась ягодицами в подоконник и не спросила пере-сохшими враз губами:

— Что?!

Силуэт матери в освещенном проеме напоминал карающего ангела, правда, без меча.

— Мы с отцом взяли тебя на воспитание... Думали, вырастет чудесная, добрая девочка. Платья, бантики... — голос звучал устало, как заезженная пластинка. — А выросла ты... Колочая, неласковая, дерзкая! Одеваешься, как сатанистка! И брата все время подби-вала на пакости всякие... Помнишь, как он из-за тебя руку обжег? Шрамы до сих пор на пальцах остались! А как ты к уличной стае собак пошла? И его с собой по-тащила? Они вас чуть не разорвали!

— Да они... — начала было Лука и замолчала.

Разве объяснишь, что она в собаках агрессии не чув-ствовала, лишь желание получить искреннюю детскую ласку и восторг в глазах! Впрочем, сейчас это было уже неважно. Важными были слова матери... Женщины, ко-торую она всю сознательную жизнь считала матерью!

— Насчет детдома — это правда?

Силуэт исчез из дверного проема. Свет в коридоре погас. Издалека донеслись глухие рыдания и сдавлен-ное:

— Правда. Живи, как знаешь!

Лука пришла в себя только спустя несколько минут, вся мокрая, как мышь, от бьющего в открытое окно дождя. Гроза уходила, оставив на асфальте потоки, полумертвые ветви и вымокший мусор. Она не только освежила воздух, но и вымыла все мысли из головы. Лишь одно слово билось, будто птица в клетке: «Правда! Правда! Правда!»

* * *

Она пришла в больницу к десяти.

С шести утра, когда вся пачка сигарет была скурена до боли в желудке, нужные вещи собраны в любимый рюкзак, а решимость уйти куда глаза глядят приобрела необходимую твердость, Лука шлепалась по улицам, раздумывая, к кому из знакомых попроситься переночевать. Подруги потерпят пару ночей, парни... Ясно, чем это кончится. Изобразить неземную любовь, чтобы остаться подольше? А потом куда? На вокзал? На трассу? Даже если она найдет работу, снять хотя бы комнату не так просто!

— Бахилы надень! — сердито прикрикнула старушка-санитарка в приемном. — Десять рублей!

Когда деньги есть, о десяти рублях как-то не задумываешься. Но когда в кошельке лежат все сбережения, а других не предвидится...

Брат лежал в постоперационной и казался мумией, сросшейся с живым человеком — половина тела и голова забинтованы. Отца рядом не было, наверное, спустился в кафешку рядом с больницей, выпить кофе.

— Чего смотришь, людоедка? — шепотом поинтересовался он. — Ну, побился, подумаешь!

— Имбецил! — привычно, но беззлобно сказала Лука и, пройдя в палату, села на стульчик. — Очень больно?

Артем героически поморщился и ничего не ответил.

— Ты здесь надолго? Что врачи говорят? — спросила она.

— Минимум месяц! — вздохнул брат.

— А роллер?..

— Не знаю пока... Отец молчит, значит, все плохо.

— Да... Тем, я из дома ушла. Можешь мой комп себе забирать со всеми потрохами, авось пригодится, на запчасти.

Компьютерной техникой брат увлекался с детства, мог из любой кучи железа собрать рабочую машину, чем иногда подрабатывал. Поэтому компьютер Луки ему бы пригодился.

Брат вытаращился. В сочетании с бинтами выпученные голубые глаза выглядели презабавно.

— Лука, ты чего?

Она встала, выглянула в коридор, прислушалась. Наверняка вот-вот подойдут родители, а с ними встречаться не хотелось. Говорить было не о чем. Вернулась. Неожиданно склонилась над братом и поцеловала его в лоб.

— Давай потом об этом. Когда тебе лучше станет. Номер у меня тот же, звони, пиши, как сможешь!

Лука развернулась и быстро вышла, не обращая внимания на протестующие вопли Артема. Услышав знакомые голоса, едва успела заскочить в подсобку с кучей грязного белья, как из-за поворота показались мрач-